

Борис МАТЮШИН

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

СМЕРТЬ НА БОЕВОМ ПОСТУ

В один сиротливый понедельник, восемнадцатилетний Георг пришёл в консерваторию к профессору А. А. Титову на консультацию. И долго ждал своей очереди. С какой целью? С очень простой: хотел поступить в его класс.

Светлое утро. Мимо Георга шелестели полосатые халаты узбечек, японские кимоно, персидский чёрный шёлк... Уфф, одни девушки и почти все... азиатки. Хотя, вон те двое в джинсах наверняка европейки.

Улыбчивый профессор А. А. Титов вышагивал босиком туда-сюда, прижимая к груди пятнистую кошку.

За закрытыми окнами тревожно крутились лопасти вертолёта.

Что преподаёт этот А. А. Титов? Фортепиано? Композицию? Импровизацию? Ах, всё равно, думал Георг. Мать хотела, чтобы он учился музыке. Георг здесь и... точка.

Девушки по очереди играли на рояле. Толстогубый профессор, заглядывая азиаткам в вырез платья и доверительно шептал каждой некие магические пожелания.

До Георга, впрочем, доносились лишь гортанные птичьи клоко-танья. Вспотевшие девушки благодарно улыбались и, мелко кланяясь, опускались на песчаный ковёр. Некоторые решительно освобождались от лишних одежд.

Песчаные дюны, липкая жара. Во всём этом было что-то волнующее для Георга: Азия, кошка, вертолёт...

Вскоре даже на подоконниках не осталось ни одного свободного места. Профессор вынужден был покачиваться на одной ноге рядом с роялем. Вторую его ногу подобострастно держали сразу две полногрудые азиатки.

Рыночная толчея и дыхание обнажённых тел. Песчаные дюны, липкая жара. Георга тошнило от терпкого запаха духов и пота. В голове глупо тикало: аз-и-я...аз-и-я...аз и я...

Георг играл последним. В принципе, он почти не умел играть на фортепиано. Сзади маячил А. А. Титов. После первых же взятых аккордов рояль загудел. О, ужас! – на правой педали рояля лежала голова одной из девушек. Георг от растерянности поддел её ботинком. Голова ойкнула и укусила Георга за ногу. Разозлившись, Георг столкнул голову другой ногой с педали и с воодушевлением взял ещё один аккорд. Тиканье исчезло.

Но тут раздался голос профессора:

– Достаточно. К сожалению, у вас нет чувства стиля.

Одобрительные хлопки девушек.

– Что Вы имеете в виду? Как же так? – попытался возразить Георг.

– Очень даже просто. Вы слишком вызывающе одеты. Не за что зацепиться даже взглядом.

– В каком смысле зацепиться? Как же так? – продолжал упорствовать Георг. – Я хотел у вас учиться, профессор.

– Это невозможно, я улетаю через пятнадцать минут на год на запад – в Азию. Вон и вертолёт уже завели.

– Что вы имеете в виду? – Георг не мог не возразить. – Азия находится на востоке...

– Азия везде и повсюду! – вскрикнул профессор.

– Как же так? – не унимался Георг, – А через год? Есть ли у меня шансы? Я буду ждать Вас...

Бурные аплодисменты. Крики «браво!»

– Хорошо, – смягчился профессор, – только пока Вы должны позаниматься у моей ассистентки.

– Я согласен, – трагически прошептал Георг. – А кто ваша ассистентка?

– Вот она! – с гордостью произнёс А. А. Титов и сбросил кошку на клавиши. – Она знает весь репертуар. И все мои студенты вначале занимались у неё.

Кошка летела вниз красиво, как птица. Аплодисменты заглушили нестройные звуки рояля. Ассистентка, облизнувшись, с любопытством уставилась на будущего ученика.

– Брысь! – непроизвольно прошипел Георг и попытался скинуть животное с рояля.

Но не тут то было: ассистентка, изловчившись, больно царапнула юного пианиста за большой палец.

– Уж это слишком! – взорвался Георг, схватил ассистентку за шкуру, крутанулся на месте, собираясь швырнуть её подальше, но не рассчитал силы и неожиданно для самого себя вlepил кошкой со всего размаха профессору по лицу.

А. А. Титов, крикнув, упал на девичий ковёр и... умер. Подлая ассистентка в два прыжка достигла вертолётa. Вертолёт взревел и взмыл в воздух. И тут же хлынул ливень.

На следующий день в Вечерней газете появился снимок профессора в чёрной рамке с надписью: «Смерть на боевом посту». Георг К. (18) по неосторожности смертельно ранил профессора А. А. Титова (45). Его ассистентка (имя и возраст неизвестны) бесследно исчезла».

МАРШ В ЗАДНИЦУ

Однажды жила была музыкальный вундеркинд Киви Бирн. Она была маленького росточку и с раннего детства поражала всех своей способностью маршировать. Это и понятно, ведь она могла не просто замечательно считать, но и в мгновение ока всё-всё пересчитывать. Например, взглянет на сцену и сразу заявляет: в оркестре 120 музыкантов. Ну, и так далее: если построить оркестрантов в три колонны по 40, то можно отлично маршировать: 16 скрипок помножить на 4 равняется 64 струнам. Так-то!

Или когда видела страницу нотного текста, сразу же пересчитывала количество нот. И самое главное, потом делила на 4. Ничего не могла с собой сделать. Это было её любимое, можно даже сказать, путеводное число. Она 4 раза выходила замуж, родила 4 детей, завела 40 кроликов и выучила 400 маршей различных композиторов. И это при её росте в 144 сантиметра.

Вначале она очень переживала, что не растёт. А потом смирилась, ведь её рост не мешал заниматься любимым делом и способствовал успеху у публики. В самом деле, выходит на сцену эдакое маленькое существо, ростом с рояль и – всё пространство начинает маршировать. Чудо, а не Киви! Так-то!

Словом, Киви играла свои марши и радовалась жизни. Хотя это не так просто, как кажется – играть марши. Попробуйте вальс, мазурку или ноктюрн промаршировать. А Киви делала это с блеском и вдохновением. Она могла из любого музыкального пустячка состроить незатейливый марш. Не говоря уже о запутанных сонатах или балладах. Со временем она стала по справедливости одной из лучших исполнительниц маршей в мире. Так-то!

Но время шло. Киви постепенно старела. Однажды, когда ей исполнилось 44 года, раздался звонок из министерства с предложением дать Мастеркласс для всех желающих.

С этого мгновения она и скурвилась. Развелась с последним четвёртым мужем и начала делать всевозможные пакости окружающему населению. Заключались они в том, что она заразила сначала своих студентов, затем город, а потом и всю страну манией маршировать, всё пересчитывать и самое главное делить на 4. Так-то!

Никто и не заметил поначалу распространению этой тотальной *марширизации*. Марш? Что за пустяк!

Забавно попробовать самому промаршировать. Потом с подружкой, с детьми, с коллегами. Оказалось, совсем не трудно. Более того, возникала иллюзия – многие проблемы разрешаются в марше сами собой. К чему эти сложные ритмы и конструкции? Гораздо проще в четырёхдольном марше. Так-то!

Вскоре по улицам ходили только группами по 4 человека, выстроились новые кварталы из четырёхэтажных домов, библиотеки и больницы переделывали под Марш-Клубы, поговаривали даже о роспуске парламента и создания Высшего Совета Четырёх. Так-то! Киви ликовала. В моду вошли маленькие женщины с короткими стрижками, носившие, как и она, шортики. Вот тут то и крылась опасность для Киви. Через некоторое время её перестали узнавать, так как появилось огромное количество женщин, похожих на нашу героиню. Мало того, многие брали её имя и довольно недурно могли при этом исполнить пару простеньких маршей. А одна «однофамилица» до того обнаглела, что присвоила её право руководить Мастерклассом. Так Киви стала безработной. Так-то!

От горя у Киви развился сильный аппетит. Она сидела дома, позабытая даже собственными детьми и без устали поедала за один раз по 4 бифштекса, 4 супа и прочие блюда. Не мудрено, что она до неузнаваемости пополнела. На улице дети дразнили её Кноделем.

Между тем, пальцы великой Киви перестали сгибаться и влезать между чёрными клавишами. Кроме того, она уже не могла без посторонней помощи забраться на стул.

Тем не менее, любовь к музыке влекла её к роялю. Она пыталась играть стоя. Но на 4 четверти почему-то уже не получалось. На белых клавишах звучали лишь пошленькие вальсы на 3 четверти. И как ни странно, ей это стало нравиться. Она пыталась даже танцевать и однажды, осмелев, выкатилась в танце на балкон. Крепления балкона не выдержали её веса. Киви рухнула вместе с балконом вниз с 4 этажа и покатила вприпрыжку с откоса в неизвестные края.

Если бы не дворник, никто бы не заметил исчезновения Киви Бирн. Взглянув на обломки, он почесал голову, пробормотал «вот тебе и марш в задницу», и отправился на поиски. Нашёл дворник Киви, признался в любви и женился на ней. И стали они жить поживать, да добра наживать. Так-то!

ЖИЗНЬ МАШИ ТЁЛКИНОЙ

Маша Тёлкина сидела у фонтана. Её мучили неясные воспоминания юности. Фонтан даже не булькал.

Через час она подошла к киоску и уставилась как всегда на почтовую открытку с изображением жука. Нежная улыбка тронула потрескавшиеся губы. Невольно потянувшись рукой к открытке, чтобы погладить её, Маша Тёлкина сдвинула своей огромной натруженной грудью часть сувенирных фигурок на прилавке. В то же мгновение из киоска раздался голос продавца с незнакомым акцентом: «В чом дэло, карова?»

Маша вздрогнула, неуклюже присела в извинительном реверансе и поплелась прочь от киоска к фонтану.

Серый парк, унылые скамейки, шамкающие пенсионеры. Маша присела на парапет у бывшего фонтана, всплакнула.

А ведь было время, когда она летала, и её все звали Мэри Кэфер. Время, когда её так неудержимо тянуло к знаменитостям.

Мэри их чувствовала на расстоянии. От них исходил особенный запах. Аромат успеха, что ли? Он действовал на Мэри завораживающе. Она останавливалась на лету и сладостно замирала. Или сразу же поворачивала ему навстречу.

Умилённо улыбаясь, пристраивалась незаметно поблизости от знаменитостей. Смотрела, слушала и растворялась в густевшем от напряжения воздухе. Судорога вожделения пронизывала всё её существо. В гипнотическом забытии шевелила влажными лапками. И излучала наивную готовность выполнить любую прихоть знаменитостей.

Чаще всего её не замечали. Она никому и не мешала, просто находилась рядом. Но иногда скучающий взгляд набредал на дрожащую от нетерпения фигурку Мэри Кэфер, и... начиналось тогда на короткое время торжествующее пиршество то ли взаимопонимания, то ли любви.

Она преображалась. Становилась увлечённым археологом, неделями пропадала в пустыне на раскопках древних прославленных городищ, радовалась нестерпимой жаре и песочной пыли.

Затем в одночасье превращалась в театрального администратора, истово распространяла билеты, услужливо заботилась о любимых, обожаемых артистах. Или сопровождала с благоговением знаменитого народного целителя. Или страстно переводила по подстрочнику с итальянского, не зная языка. Мэри-костюмер, Мэри-массажистка, балетный критик, экскурсовод...

Она не делала разницы между своими избранниками. Возраст, профессия, внешность не имели для неё никакого значения – всё и все годились для утоления её страсти. По вечерам судорожно путешествовала по Интернету. И с раннего утра, в любую погоду устремлялась по новым адресам. Жажда эта была неистребима. От одного к другому. И чем больше, тем лучше.

И всё же она выделяла особенно навозных жуков. Они казались более рафинированными. Прежде всего, потому что всегда её замечали и, в отличие от многих, приветствовали радостным гудением. А уж запах жуков сводил её просто с ума. И только в их дурманящем навозном ознобе возникали дерзостные мысли о собственной значительности. Потому жукам она чаще других позволяла проделывать с ней всякие непотребные штуки.

И могла вдруг высказать собственное мнение с неожиданной безапелляционностью. Хотя и не разбиралась в силу своей разброанности, по сути, ни в чём. Кроме, как в своей непреходящей страсти.

Сама же всё и всех путала. Забывала в истоме имена и обещанья. Её наивная неразборчивость и стала, в конце концов, причиной несчастного события, изменившего жизнь и судьбу Мэри Кэфер.

Итак, однажды, когда Мэри отдавалась в сладостном экстазе жукам с Восточной Навозной Кучи, она не заметила, что за ними с возмущением наблюдают жуки не только с Южной Кучи, но и с Западной и Северной.

Как ни крути, а эта была всемирная встреча Навозных Куч и их лучших представителей. Да и тема дискуссии, посвящённая чистоте окружающих запахов, предполагала определённый уровень серьёзности и взаимоуважительности.

Своим же наглым поведением жуки с востока не только оскорбили и унизили остальных участников встречи, но и показали полную безнадёжность дальнейшего диалога.

Жуки жуками, а виновницей, разумеется, сделали Мэри, позволившей на виду у всех совокупляться по очереди с восточными жуками. И тем самым как бы продемонстрировать всему миру: кто правит балом в мире запахов.

Приговор единогласно утвердили не только на всех инстанциях, но и привели в исполнение сразу же, как только обессилевшая, но счастливая Мэри взлетела вроде бы в воздух. Вроде бы...

Через мгновение она уже плелась по земле в облике обыкновенной Маши Тёлкиной. Существа, лишённого теперь уже навсегда обоняния и других чувств.

А уж о радостях полёта даже и куры не шептали.

Маша Тёлкина сидела у фонтана. Жизнь не булькала.

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

Свет освещал только часть сцены. Музыковед Ференц Зингер стоял в луче прожектора перед тёмным залом и увлечённо рассказывал о Модесте Мусоргском. Из-за кулис доносились нестройные пассажи разыгрывавшихся оркестрантов.

Рутину, не более того. Вступительное слово перед концертом в филармонии. О чём можно поведать этой безмолвной равнодушной массе за пятнадцать минут? Годы жизни, два-три смачных эпизода и всё. Так, разбудить, пощекотать, подготовить публику – вот его нехитрая миссия. А уж потом выйдет к дирижёрскому пультау этот напыщенный индюк Шварц: что он, впрочем, может понимать в музыке и в Мусоргском? Ничего. Ведь Зингер знал дирижёра ещё со студенческих лет...

Завершая вступительное слово, Зингер по обыкновению спросил, есть ли вопросы. Неожиданно в первом ряду встал патлатый юноша и прокричал срывающимся голосом:

– За что и почему вы так не любите Мусоргского?

– Я? – испуганно удивился Зингер.

– Ну, конечно вы, он у вас и необразованный, и пьяница. Как же он сочинял тогда гениальную музыку?

– Вы меня не так поняли, – тихо возразил лектор.

– Именно так! А вот вы сами и образованный и не пьющий, так!?

– Как вы смеете... – пролепетал Зингер и спешно покинул сцену под непонятный ропот публики: то ли смешки, то ли возмущение.

В глазах у него стояли слёзы. Он был в смятении. Юноша быть может отчасти и прав, и... не прав.

Не всё ведь так просто жизни. Если бы он знал...

У Ференца Зингера в бумажнике ещё с юности хранилось фото композитора Мусоргского. Часто, когда никто не видел, он смотрел на знакомое до боли лицо и вдохновлялся энергией на целый день.

Он поглаживал потрескавшееся фото, закрывал глаза и представлял себя с Мусоргским вместе где-нибудь в Венеции, на площади Сан Марко. Оба они в белых теннисках. Борода Мусоргского развеивается на лёгком ветру. Композитор кладёт свою мужицкую шершавую ладонь на его руку, выжидательно и ласково улыбается.

Вот они идут по набережной к отелю. Мусоргский подталкивает Ференца с ласковой настойчивостью: давай, давай, Бóрис...

Да, если бы знал этот патлатый студент, что это за мука, когда тебя всю жизнь называют Бóрисом.